

© 2013 г. Н.В. Лаврентьева
УДК 81

НЕМЕЦКАЯ ТЕМА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

[German theme in Russian literature of the first quarter of XX century]

The article is devoted to one of the most interesting issues of comparative studies – to analysis of comparative characteristics of Margarita's character, the heroine of Goethe's "Faust" based on the works of Ivan Bunin, Boris Pasternak, Marina Tsvetaeva, Nikolas Gumilev. We explore the stated issue in the context of development of Russian-German cultural and literary relations. The study indisputably suggests that, first, the image of Margaret was very in demand in the first quarter of the twentieth century and continues to remain so during almost the whole last century, and, secondly, the perception and reproduction of this image in the context of Russian poetry at times took different points and directions. In poetry of Ivan Bunin and Boris Pasternak Margarita is a symbol of passionate love whose very existence allows the soul to be purified from sin and corrupt actions. Nikolas Gumilev perceives this kind of image in a negative light as a symbol of a prostitute sold herself for a box of jewels. All the variations proposed by the poets of the first quarter of the twentieth century were made in accordance with the creative and worldview attitudes of the authors which may help to understand them more accurately and fully.

Key words: comparative, Russian-German literary relations, Goethe, the image of Margarita, reception, Boris Pasternak, Ivan Bunin, Marina Tsvetaeva, Gumilev.

На современном этапе развития литературоведения наиболее привлекательными для исследователей остаются проблемы компаративистики. Анализ многочисленных связей европейских и восточных литератур порождает все новые и новые вопросы, довольно часто решение одной подобной задачи становится возможностью для формулировки новой, более сложной проблемы. Актуальность проблематики сравнительного литературоведения определена и общим развитием гуманитарного знания, тяготеющего в первые десятилетия нового века к синкретизации и конвергенции. Объектом исследования данной статьи стал образ Маргариты – вариации на тему героини трагедии И.В. Гете «Фауст» – в контексте русской литературы первой половины XX века.

Цель исследования – сравнительный анализ рецепции образа Маргариты в произведениях Б.Л. Пастернака, Н.С.Гумилева, М.И. Цветаевой, И.А. Бунина, И.И. Сельвинского. Одним из основных терминов современной компаративистики можно и нужно считать феномен культурной памяти. Культурная память – уникальное явление, которое позволяет создавать произведения-прецеденты: авторы дискутируют с поэтами и писателями прошлого, заставляя читателя по-новому взглянуть на, казалось бы, ушедшие навсегда эпохи. Чем объемнее «культурная память» творца настоящей эпохи, тем сложнее выделить элементы определенной эпохи: они сливаются в единое «лоскутное» полотно текста. Процесс воздействия и восприятия между литературными эпохи взаимозависим, так как обмен литературными ассоциациями и аллюзиями осуществляется непрерывно: с одной стороны мы можем говорить о «прямом», внешнем влиянии, а с другой – не всегда автор сознательно обращается к определенному образу и определенному автору, тогда нам на помощь в процессе понимания особенностей воздействия и восприятия может прийти термин А. Бема «литературные припоминания», который в свою очередь восходит к платоновской идеи о «припоминании», это «не цитирование, не простое воспоминание...» [1, с. 12], а реализация литературной памяти.

В начале XX века интерес к немецкой литературе в среде российской культуры представляется наиболее активным и плодотворным. В русскую литературную традицию символисты возвращают принципы и мотивы творчества И.В. Гете, возрастает интерес к немецкой философии. «Культура Серебряного века очень многолика: в ней слились не только разные стили и жанры, но и самые разные духовные течения, часто трудно между собой совместимые. Эта разнородность состава сказалась и на характере философии: тут присутствует и влияние западной метафизики, прежде всего немецкого идеализма, и восходящее к славянофилам стремление вернуться к христианским истокам и строить философию на религиозном основании, сближая ее с богословием; и мистико-окультурные мотивы, восходящие к гностицизму и усиленные – особенно в начале XX века – увлечением апокрифической литературой и интересом к русскому сектанству, прежде всего к мистико-экстатическим сектам» – утверждает П.П. Гайденок [2, с. 12]. Многоликость культуры первой половины XX века стала основой для возникновения новых мотивов, тем, в том числе и тех, которые стали объектом компаративистики.

В начале и первой половине XX века особую роль играет образ Маргариты, который довольно часто встречается в произведениях русских авторов и апеллирует к гетевской героине трагедии «Фауст».

К образу Маргариты обращаются в разное время Б.Л. Пастернак, И.А. Бунин, М.И. Цветаева и др. Среди прозаиков в первую очередь следует отметить М.А. Булгакова и его роман «Мастер и Маргарита».

Каждый из вышеназванных мастеров русской словесности увидел и создал свою Маргариту, руководствуясь при этом собственными творческими предпочтениями.

Мы не раз обращались к анализу и интерпретации образа Маргариты в творчестве Б.Л. Пастернака и отмечали, что образ Маргариты в его творческом пространстве служит для передачи трепетного отношения поэта к Женщине (стихотворение «Маргарита»). Маргарита – концентрация страсти, символ бессмертной любви [3]. Пастернак пытался разрушить образ домохозяйки, наивной девочки, глупого ребенка, он создал образ молодой страстной женщины, полюбившей истово, искренне. Не ее беда, по Пастернаку, что Мефистофель изначально предуготовил ей роль жертвы.

Мотив женственности и чистоты получает развитие и в переводе гетевской трагедии, выполненном Б. Пастернаком. Поэт-переводчик воспринимает произведение немецкого классика как гимн любви: «И тут пока сильно не захочешь, ничего нет, но стоит только пожелать горячо, всю душою <...> рождаются дети, наступают новые, лицом к солнцу правды обращенные эпохи <...> и в каком-то соответствии с истинной силой желания, от формы к форме и из поколения к поколению развиваются и подвергаются отбору, неизбежно улучшаются самопроявления жизни, ее последовательные опыты, пробы, попытки, как изображается всю жизнь стремящийся к совершенству Фауст, с внутренней стороны называющий эту тягу любовью» – подводит поэт итог долгим размышлениям над трагедией И.В. Гете в одном из писем [4, 736].

В «Маргарите» Б. Пастернака абсолютно не идентифицирован возлюбленный героини, в последнем четверостишии появляется только «рука» возлюбленного:

И затылок с рукою в руке у него,
А другую назад заломила, где лег...

Пастернак наделяет Маргариту атрибутами воительниц-амазонок, выступление которых он однажды увидел в детстве и сохранил воспоминание

на всю жизнь. Его амазонка проиграла сражение с собственными желаниями и чувствами, отдавшись победителю со всей страстностью первой любви. Темы порочной, обманной любви у Пастернака нет, потому что настоящее чувство не может быть таковым. В разговоре с Н.Н. Вильмонтом о трагедии Гете и образе Гретхен Пастернак обратил внимание на то, что Маргарита погружена в любовь [5].

Свой вариант образа Маргариты в 1926 году воссоздает в стихотворении с одноименным названием И.А. Бунин.

В нескольких строках поэт описывает юную девушку, вернувшуюся с первого свидания. Поэт с помощью лексических и стилистических средств передает и радость, и испуг, и томление, и ожидание новых встреч: глагол «прокралась» вызывает ощущение тайны, мы догадываемся, что девушка скрывает свою любовь, она понимает всю безрассудность совершенного поступка, единственным оправданием героини становится сила ее чувства:

...Заплетая при месяце косы,
В сердце страшную мысль берегла.

Понимая тяжесть содеянного (она явно пренебрегла нравственными устоями и законами общества), героиня «собиралась рыдать и молиться», однако сон сморил ее. Автор подчеркивает, что молитва была бы неискренней, так как сон оказался сильнее обращения к Богу.

Прощение героини Бунина предрешено, ведь в литературе уже существует прецедент: спасена Маргарита И.В. Гете. Русский поэт уверен – лирическая героиня заслуживает прощение уже потому, что умеет любить:

Бог прощает многое – ужели
Любящим, как ты, он все прощает?

Важно, что данным вопросом задается сам Дьявол — лирический персонаж стихотворения. Героиня засыпает под его неусыпным надзором.

...На спящую Дьявол
До рассвета глядел из угла.

Подобный образ традиционен для бунинского творчества. Дьявол – образ современной цивилизации – вглядывается в вакханалию на корабле в бунинской повести «Господин из Сан-Франциско» (1915): «Бесчисленные огненные глаза корабля были за снегом едва видны Дьяволу, следившему со скал Гибралтара, с каменистых ворот двух миров...» [6].

Тема любви – магистральная тема в творчестве И.А. Бунина, однако обращение к уже существующему образу дает возможность интерпретировать данное стихотворение как дань вечности: любовь – чувство непреходящее, во все века оно торжествует над косностью человеческих притязаний. Век цивилизации не стал для Бунина венцом человеческого творения, писатель прекрасно осознал, что развитие технической мысли нивелирует чувства добра, любви, нежности. В повести «Господин из Сан-Франциско», напротив, героям, плывущим на корабле с символичным страшным именем «Антарктида», прощенья не будет: они не способны чувствовать, любить, жить, а способны только существовать, как, например, герой произведения, откладывающий жизнь на потом: «... только что приступил к жизни, несмотря на свои пятьдесят восемь лет. До этой поры он не жил, а существовал, правда, очень недурно, но все же возлагая надежды на будущее...» [6].

В стихотворении образ Фауста – возлюбленный Маргариты – отсутствует, но и Дьявол не превращается в любовника Маргариты, его взгляд – взгляд стороннего наблюдателя, философа, познавшего тайны бытия и не переставшего удивляться перипетиям человеческой жизни. Содержательно Дьявол Бунина ближе Воланду Булгакова, чем Мефистофелю Гете.

Образ Маргариты предстает перед нами и в версии Н.С. Гумилева. Стихотворение «Маргарита» несет совершенно иную тематическую и смысловую нагрузку. Героиня лишена чистоты, искренности, больше всего она напоминает продажную девку, польстившуюся на дорогие подарки. Гумилев отрицает само существование Фауста:

Грозно Фауста в бой ты зовешь, но вотще!

Его нет... Его выдумал девичий стыд.

Возлюбленный Маргариты сам Дьявол. В данном случае поэт не называет его, мы узнаем только детали его портрета: «злой насмешник», «в красном плаще», которые совпадают с описанием Мефистофеля в трагедии «Фауст».

Тональность гумилевского стихотворения разительно отличается от настроения произведений Б. Пастернака и И. Бунина: снимается мотив чистой, нежной, всепрощающей любви, героиню трудно представить тонкой, чувственной, влюбленной, Гумилев не жалеет ярких красок, чтобы изобразить картину окончательного падения Гретхен, ее превращение в продажную девку:

Ей приносит так много серег и колец

Злой насмешник в красном плаще.

Контрагентом Мефистофеля в стихотворении выступает Валентин, брат Маргариты. Автор обращается именно к нему, подсмеиваясь над его слепой верой в невинность, непорочность, чистоту помыслов сестры. Пожалуй, это самый грубый вариант гетевского образа юной, пусть глупой, но наивной девочки.

Все приведенные выше примеры – это объекты прямого, непосредственного литературного соприкосновения; конечно, сам процесс и итог восприятия может обнаруживать себя по-разному, но источник у всех предлагаемых стихотворений один. В произведении М.И. Цветаевой, к которому мы далее переходим, возникает совместный процесс интерпретации и припоминания: «Фауст» И.В. Гете Цветаевой, безумно любившей Германию и собственно великого немецкого писателя, был, конечно, известен, также, без сомнения, поэтесса хорошо была знакома с последними строками первой части трагедии: «Спасена!», поэтому она вполне могла, объединив два литературных образа, создать яркий пример страстной, верной любви.

Тема любви как спасения ключевая в стихотворении «Даме с камелиями» М.И. Цветаевой. Однако героиня (тоже Маргарита) это вариации образа героини романа «Дама с камелиями» А. Дюма-сына, написавшего трогательную историю куртизанки, ради любви способной пожертвовать самым дорогим. Сходство имен не случайно: анализ и интерпретация вариантов использования имени Маргариты в мировой литературе не входит в рамки нашего исследования, но сама проблема представляется нам интересной и актуальной. Стихотворение Цветаевой – гимн любви, автор выходит за границы образа дамы с камелиями, включая в текст строки о «спасении», которые традиционно совмещены с образом героини Гете:

Все в любви. Спи с миром, Маргарита...

Все в любви... Любила – спасена!

Стихотворение М.И. Цветаевой убеждает нас в том, что на возникновение литературного образа воздействует не только конкретный образ и произведение, но и все то, что сохранено в подсознании и может реализоваться как «припоминание»: «Память работает в текстах сквозь авторов, их создателей» – убежден С. Бочаров [1, 21].

М.И. Цветаева близка к И.А. Бунину в понимании любви как возможности получить индульгенцию. Возможно, что и последние строки булгаковского Мастера о спасении Понтия Пилата типологически соотносимы с трагедией Гете, а потому могут рассматриваться в сопоставлении с произведением Цветаевой и Бунина.

К теме гетевской Маргариты обращался и И.Л. Сельвинский. В стихотворении «Гете и Маргарита» он также интерпретирует этот образ. Стихотворение написано в 1960 году, конечно, по временным параметрам оно несколько не соответствует заявленной теме: мы говорим о первой четверти XX века, однако поэтические принципы Сельвинского сформировались именно в начале XX века, поэтому мы полагаем возможным сопоставить его текст с текстами других авторов.

В данном произведении героем становится сам Гете. Конечно, поэт несколько преувеличил возможности немецкого трагика, утверждая:

Пролетели золотые годы,
Серебрятся новые года...
«Фауста» закончив, едет Гете
Сквозь леса неведомо куда.

Великий немец правил трагедию практически до смерти, поэтому уже начало позволяет говорить о своеобразии данной интерпретации. Сюжет стихотворения довольно прост: Гете встречает девушку – кельнершу, в которой он видит Гретхен. Великий немец забывает обо всем: о делах, заботах, о своем возрасте. Сельвинский с легкой иронией напоминает герою, что молодость вернулась Фаусту, а не самому Гете, который оказывается слишком стар для молодой немки-Маргариты:

Но великий позабыл о том,
Что не он ведь чертом омоложен;

Сельвинский превратил образ гетевской героини, нивелировав его тонкости и особенности и дополнив традиционными представлениями о женщине-девушке Германии, в клише, в шаблон, в продолжение самых распространенных портретов провинциальных немок, предпочитающих «капрала», а не великого поэта. К данной героине невозможно применить эпитет «наивная»:

А Марго об этом не забыла,
Хоть и знает пиво лишь да квас:

«Раз уж я капрала полюбила,
Не размениваться же на вас»

Перед нами вариант Маргариты XX века, приземленность чувства которой разительно отличает ее от вариаций на эту тему у И.А. Бунина, Б.Л. Пастернака, М.И. Цветаевой.

Таким образом, образ гетевской героини трагедии «Фауст» воплощен в поэтических инвариантах и вариациях Б.Л. Пастернака, И.А. Бунина, Н.С. Гумилева, И.Л. Сельвинского и др. Каждый автор по-своему воспроизводит Маргариту. Наиболее часто основной составляющей образа становится способность к чистой, верной, вечной любви. Особняком располагается поэтическая версия Н.С. Гумилева, в которой представлена жадная, продажная бюргерша, польстившаяся на подарки Мефистофеля и предавшая своих близких. Однако подобное решение гетевского образа скорее исключение, которое только подтверждает общее представление о наивной, чистой девочке, ставшей жертвой пари Мефистофеля и Бога.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бочаров С. Г.* Генетическая память литературы. М., 2012.
2. *Гайденко П.П.* Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М., 2001.
3. *Лаврентьева Н.В.* Гете и Б. Пастернак (к проблеме русско-немецких литературных связей). Рязань, 2010.
4. *Пастернак Б.Л.* Письма // Борис Пастернак. ППС. Т. IX, М.: СЛОВО/SLOVO, 2005.
5. *Вильмонт Н.Н.* О Борисе Пастернаке: Воспоминания и мысли. М., 1989.
6. *Бунин И.А.* Господин из Сан-Франциско. М., 1982.

REFERENCES

1. *Bocharov S.G.* Genetic memory literature. M., 2012.
2. *Gaidenko P.P.* Vladimir Soloviev and the philosophy of the Silver Age. Moscow, 2001.

3. *Lavrentyev N.V.* Goethe and Boris Pasternak (the problem of Russian-German literary relations). Ryazan, 2010.
4. *Pasternak B.L.* Letters / / Boris Pasternak. PPP. Т. IX, М.: WORD / SLOVO, 2005.
5. *Wilmont N.* About Boris Pasternak: Memories and thoughts. Moscow, 1989.
6. *Bunin I.A.* The Gentleman from San Francisco. Moscow, 1982.

Рязанский государственный

университет им. С.А. Есенина, Рязань, Россия

21 октября 2013 г.
